

Люди, живущие в этом, казалось бы, рациональном мире, представляются генеральшей не иначе как сумасшедшие: «Сумасшедшие! Тщеславные! В бога не веруют, в Христа не веруют! Да ведь вас до того тщеславие и гордость проели, что кончится тем, что вы друг друга переедите, это я вам предсказываю. И не сумбур это, и не хаос, и не безобразие это?» Лизавета Прокофьевна идет еще дальше, представляя этот мир не только как «хаос и безобразие», но и как грязь. Именно поэтому она называет главного «идеолога» этого мира, основанного на рационально-нигилистическом восприятии, «пачкуном» и «развратником»: «А ты у меня не усмехайся, пачкун! (накинулась она вдруг на Ипполита) сам еле дышит, а других развращает. Ты у меня этого мальчишку развратил (она опять указала на Колю); он про тебя только и бредит, ты его атеизму учишь, ты в Бога не веруешь, а тебя еще высечь можно, милостивый государь, да тьфу с вами!..» Заканчивается эта тирада фактически приговором: генеральша приговаривает Ипполита к порке, как преступника, поскольку в ее глазах он и есть настоящий преступник, который силой своего разумного отрицания способен перевернуть все «с ног на голову».

Все романы Достоевского, по сути, являются для него самого полем для экспериментов с персонажами и условиями (нередко жестоких экспериментов), чем и объясняется часто возникающее ощущение искусственности его героев, их неправдоподобности, а также «экстремальности» условий, в которых они существуют в романах. На самом деле причиной «экстремальности» условий и персонажей Достоевского является как раз их экспериментальность: автор не «списывает» эти персонажи с жизни, он намеренно создает их такими эксцентричными и намеренно ставит их в крайние жизненные условия (условия крайней бедности, безумия, одержимости страстью, наполеоновскими идеями и т. п.). Эти крайности нужны ему для его экспериментов над верой, разумом и человеком. С помощью этих экспериментов он хочет понять отношения между разумом и верой, проследить развитие, этапы и варианты борьбы человека за веру или человеческого разума против веры. Романы Достоевского — это большая лаборатория, в которой он пытается создать «эликсир веры».

Среди персонажей Достоевского Настасья Филипповна представляет собой один из самых жестоких из его экспериментов. По своей жестокости этот эксперимент сравним с экспериментом над Раскольниковым. Оба этих персонажа поставлены Достоевским в «идеальные» экспериментальные условия — условия глубокого отчаяния, безнадежности, уныния и неверия (в случае Раскольникова это еще и бедность, голод и чахотка). Пользуясь своим авторским всесилием, он делает этот мрак, эту бездну абсолютно беспросветной, не оставляя для Настасьи Филипповны ни одного луча надежды, окружив ее исключительно негодьями и подлецами, малодушными, слабыми «искателями», из которых Рогожин — самый положительный персонаж, хотя бы потому, что в нем в отличие от остальных есть «масштабность» и широта (хотя бы в ее грубом «мужицком» варианте).

Ставится этот «эксперимент» над персонажем Настасьи Филипповны (как и над Раскольниковым) с целью получить ответ на вопрос: может ли в этих условиях беспросветного мрака, отчаяния и безнадежности появиться росток веры? Может ли вера возникнуть там, где нет надежды? И возможно ли в этом искусственно созданном, рукотворном аду получить шанс на спасение?

Замечательно в этом смысле то, что Настасья Филипповна не является «оппозицией» по отношению к этому мраку. Ее образ — это не образ «девы» среди «адских привидений», как образ Татьяны у Пушкина. Настасья Филипповна — это одно из адских привидений. Возможно, она самое страшное и сильное из этих привидений, поскольку именно вокруг нее и вращается этот темный мир порока,